

В. А. Мазиллов

Разработка практической психологии: непонятый и недооцененный проект К. Д. Ушинского

К.Д. Ушинский является выдающимся педагогом и психологом. Вклад Ушинского в психологию в целом признается лишь в отечественной истории психологии. Представляется, что вклад Ушинского в мировую психологию недооценивается: его обычно оценивают с точки зрения тенденций второй половины XIX столетия – возникновения научной психологии, а русский педагог, опередив время, пытался создать практическую психологию. Ушинский определяет предмет психологии, причем трактует его широко и целостно. Ушинский определяет отношение психологии с философией. Поскольку он не ставит перед своими трудами задачи обосновать отделение от философии, он просто определяет это соотношение. Он обсуждает отношение психологии к другим наукам, то есть определяет ее место в системе научного знания. Ушинский подробно обсуждает, каков должен быть метод психологии. Ученый подробно рассматривает важнейший для конституирования науки вопрос, связанный со структурой дисциплины, решает вопрос о соотношении психологии с физиологией. Ушинский утверждает опытный характер науки. Ушинский определяет соотношение теории и метода в новой психологии, что было редкостью для той эпохи. Парадигма практической психологии только формируется в наши дни. Ушинский в рамках педагогической антропологии первым в истории мировой психологии попытался решить эту задачу. Методологические подходы к решению сложных проблем он начал формулировать еще во время работы профессором ярославского Демидовского лицея.

Ключевые слова: К. Д. Ушинский, педагогика, психология, Демидовский юридический лицей, педагогическая антропология, практическая психология.

V. A. Mazilov

Development of Practical Psychology: K. D. Ushinsky's Misunderstood and Underestimated Project

K.D. Ushinsky is an outstanding teacher and psychologist. Ushinsky's contribution into psychology in whole is recognised only by Russian history of psychology. It is represented that Ushinsky's contribution into world psychology is underestimated: it is usually estimated from the point of view of tendencies of the second half of the XIX century – emergence of scientific psychology, and the Russian teacher, having outstripped time, tried to create practical psychology. Ushinsky defines a subject of psychology, and treats it widely and completely. Ushinsky defines the relation of psychology with philosophy. As he doesn't set a task to prove separation from philosophy for the works, he just defines this correlation. He discusses the relation of psychology to other sciences; he defines its place in the system of scientific knowledge. Ushinsky in detail discusses what psychology method should be. The scientist in detail considers the major for the science institutionalization question concerning the structure of the discipline, he solves the question on relation of psychology with physiology. Ushinsky approves skilled character of science. Ushinsky defines a theory and method ratio in new psychology that was a rarity for that era. The paradigm of practical psychology is formed only today. Ushinsky within pedagogical anthropology the first in the history of world psychology tried to solve this problem. To solve complex problems he started to formulate methodological approaches when he worked as a professor in Yaroslavl Demidov Lyceum.

Keywords: K. Ushinsky , pedagogy , psychology, Demidov Lyceum , pedagogical anthropology , practical psychology.

Цель настоящей статьи – поставить проблему, связанную с определением места К.Д. Ушинского в истории мировой психологии, и, если повезет, попытаться исправить историческую несправедливость, связанную с именем Ушинского, и вызванную к жизни исторической же абберацией. Впрочем, обо все по порядку...

Константин Дмитриевич Ушинский (1823–1870) – выдающийся отечественный педагог и психолог. Факт совершенно очевидный и в дополнительных доказательствах как будто не нуждающийся. За прошедшие с момента его смерти почти полтора века соответствующие оценки и место в истории давно и точно определены. Впрочем, как скоро увидит читатель, последнее

утверждение верно лишь наполовину, будучи справедливым только для мира педагогики.

Константин Дмитриевич Ушинский – так уж получилось – принадлежит одновременно двум мирам – миру педагогики и миру психологии. Между ними, хотя великий Ушинский и писал, что психология должна быть одной из основ педагогики, единство (да что греха таить – и взаимопонимание тоже) наблюдается далеко не всегда и не во всем (в отличие, скажем, от экспертного Совета ВАК, где две уважаемые научные дисциплины мирно сосуществуют в рамках единого совета). И представление о Константине Дмитриевиче в этих уважаемых дисциплинах несколько различается.

Для Ушинского из мира педагогики более всего подходит метафора «музей». Идеи великого педагога каталогизированы, разложены по полочкам, помещены под стекло и в красивые рамочки, аккуратно подписаны... Все устоялось, никаких изменений не предвидится... Понятно, что дело не в Ушинском, а в характере науки.

Совершенно очевидно, что в психологии картина совсем иная. И дело здесь, разумеется, не в Константине Дмитриевиче, а в самой психологии. Ответ очевиден – психология очень далека от состояния финальности, завершенности. Более того, нет никакой гарантии, что через несколько десятилетий она не изменится «до неузнаваемости». Вообще, полезно помнить, что психология еще очень молодая наука, многое в ней не устоялось, поэтому, возможно, нас ожидают в самом скором будущем удивительные метаморфозы образа любимой науки.

Впрочем, предоставим слово авторитету. Известный психолог В. Ф. Петренко отмечает: «...Нет единой психологической науки, а есть скорее конгломерат наук с разными объектами и методами исследования, называемый одним именем – «психология». И ряд областей психологии, например, социальная психология, гораздо ближе по языку и методам к родственным научным дисциплинам, например, к социологии, чем к психофизике или медицинской психологии. Вполне возможно, что в дальнейшем из «психологии» выделится целый букет предметных наук, как в свое время из философии выделились физика, химия, биология и сама психология» [10. С. 93].

Поэтому ясно, что метафора музея к данному случаю совершенно не подходит. Подошла бы метафора строительной площадки, где все находится в движении и постоянно изменяется, где снуют люди в рабочих блузах, что-то с грохотом падает, что-то растет...

Если мир педагогики давно признал, что Ушинский – великий педагог, учитель русских учителей, автор классических книг, то в психологии тоже говорят, что Ушинский выдающийся психолог. Но говорят как-то не очень уверенно, не совсем убежденно, и, что особенно настораживает, в общих словах и обычно не уточняя заслуг и вклада... Короче говоря, есть о чем задуматься...

Но прежде чем мы начнем искать ответ на этот каверзный вопрос, остановимся на одном биографическом моменте. Кажется, что жизнь и деятельность великого педагога описаны, проанализированы, задокументированы, все доско-

нально выяснено. Однако, оказывается, даже дата рождения К.Д. Ушинского под вопросом. Принято считать, что родился Ушинский 19 февраля 1824 года. (Выше в начале статьи были приведены годы жизни Ушинского, откуда следует, что с этой датировкой автор не согласен). Действительно, исследования тульского ученого Е.Г. Шаина показали, что Ушинский родился годом ранее: «В Туле семья Ушинских квартировала в двухэтажном доме купца П. И. Авчинникова на Барановой (ныне Тургеневской) улице (дом снесли, сейчас на этом месте на углу с улицей Менделеевской – административное здание). Здесь 19 февраля 1823 года и родился в семье третий сын – Константин. Однако многие биографы уже больше ста лет указывают и другой год его рождения – 1824. А после того как наиболее авторитетный исследователь жизни и деятельности великого педагога В. Я. Струминский, подготавливая 11-томное собрание сочинений К. Д. Ушинского, поддержал эту дату, она стала восприниматься едва ли не канонической. Все официальные чествования памяти классика отечественной педагогики отмечались, исходя из этой даты» [18. С. 63]. Представляется, что здесь не место воспроизводить аргументацию Е.Г. Шаина, при желании можно поинтересоваться содержанием его интересной статьи. Заметим только, что психологически убеждает – независимо от документальных разысканий тульского исследователя – запись, сделанная советником хозяйственной экспедиции Тульской казенной палаты, отцом великого педагога Дмитрием Ушинским в 1823 году о его детях: «Александру 6 лет, Владимиру 4 года, а Константину 8 месяцев». Психологически невероятно, чтобы родитель писал о своем еще не родившемся и не крещеном ребенке как о восьмимесячном, называя его по имени... Кажется, и доказательств более никаких не нужно...

Оставим, впрочем, датировку. По сравнению с тем, что мы хотим обсудить, это сущие мелочи...

Итак, в мире педагогики – и отечественном, и зарубежном – Ушинский великий педагог. Правда, знают педагога К.Д. Ушинского в основном в славянских странах...

В отечественном мире психологии Ушинский тоже считается великим психологом (с теми оговорками, которые были сделаны выше). Зарубежная психология такого психолога, кажется, вообще не знает – во многостраничных руководствах по истории психологии, написанных иностранными авторами (американцами, немцами, норвежцами,

англичанами) и изданными в последние годы, такой психолог вообще не упоминается...

Попробуем разобраться, каков вклад К.Д. Ушинского в психологию.

Об Ушинском как психологе писали многие. Особенно в связи с юбилеями. К этим публикациям мы еще вернемся, а сейчас обратимся к современной литературе.

Возьмем популярный современный учебник по истории психологии, написанный А. Н. Ждан [6]. Об Ушинском там написано, что он позитивно оценил деятельность Н. И. Пирогова, идеи которого пробудили «спавшую педагогическую мысль», а принцип воспитания человека в человеке должен стать, согласно Ушинскому, требованием педагогики, основанной на психологии. «Органичное соединение педагогики с психологией происходит в фундаментальном произведении русской педагогической мысли – труде К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания»... Здесь были использованы достижения всей мировой психологической мысли. Признавалась исключительная роль деятельности, особенно труда, в духовном развитии, в формировании характера и нравственных качеств. Труд Ушинского явился предтечей отечественной детской и педагогической психологии» [6. С. 203]. Для великого психолога, как представляется, маловато...

В двухтомной «Истории и теории психологии» [11] А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского К.Д. Ушинский лишь упоминается – приводится известная цитата в связи с историей советской психологии. В разделе о психологии XIX века, где было бы логично оценить его вклад, упоминания об Ушинском вовсе нет. В книге «История психологии» Т. Д. Марцинковской и А. В. Юрвича [9] К. Д. Ушинский не упоминается...

Вот вам и великий психолог... Но, конечно, не все так однозначно. Интерес к творчеству К. Д. Ушинского, как известно, проявлял Б. Г. Ананьев, развивавший антропологический подход при исследовании человека, создатель широкоизвестной концепции человекознания.

Почти семьдесят лет назад в 1945 году в журнале «Советская педагогика» Б.Г. Ананьев публикует статью под совершенно однозначным названием «К.Д. Ушинский – великий русский психолог». В частности, в этой статье Б.Г. Ананьев писал: «Развивая гуманистические и демократические традиции русской передовой философской и научной мысли, К.Д. Ушинский создал новые пути в развитии научной психологии. В великом десятилетии русской психологии (60-е годы XIX столе-

тия) К.Д. Ушинский выступил вместе Н. Г. Чернышевским и И. М. Сеченовым (но со своих особенных позиций) создателем русской психологии, как системы *науки*» [3. С. 388]. Заметим, что Б.Г. Ананьев отмечает: "Велика роль К.Д. Ушинского, как зачинателя русской педагогической психологии. Однако было бы неправильно думать, что лишь в этом *специальном* разделе психологии К.Д. Ушинский являлся новатором и создателем традиций, развиваемых ныне советской педагогической психологией. Больше того, нельзя понять оригинальности и значительности созданных К.Д. Ушинским принципов педагогической психологии, не вскрыв особенных путей и принципов, разработанных впервые К.Д. Ушинским в общей психологии, в психологической науке в целом» [3. С. 388–389].

«Прежде всего, обращает на себя внимание знаменательный факт, что главнейшие теоретические труды К.Д. Ушинского посвящены системе психологических знаний, понятий и учению об их критическом освещении. Достаточно сослаться в этом отношении на «Педагогическую антропологию» («Человек как предмет воспитания») и критический очерк «Вопрос о душе в его современном состоянии». Но и в других, собственно педагогических и методических работах К.Д. Ушинского очень настойчиво сказывается психологический метод, разработанный им самим в трудах по общей и педагогической психологии» [3. С. 389].

«Обозревая всю картину развития русской психологии в XIX столетии, можно утверждать с полным основанием, что К.Д. Ушинский был великим психологом именно потому, что он был великим педагогом и, в свою очередь, его величие в педагогике в значительной мере связано с его капитальным вкладом в развитие русской научной психологии» [3. С. 389].

«Невозможно понять оригинальное направление К.Д. Ушинского в педагогике и методике родного языка, отсекая психологическую основу этого направления. И тем более невозможно понять глубокую жизненность и новизну психологических идей К.Д. Ушинского, рассматривая его лишь как психолога» [3. С. 389].

К обсуждению этих глубоких мыслей Б. Г. Ананьева мы еще вернемся. Превосходные степени и оценки, кажется, оправданы. Обратим внимание, заканчивается 1945 год (статья Ананьева опубликована в декабрьском номере). Только что завершилась великая война, наступил мир, все теперь будет хорошо. В том же 1945 году

принимается решение об издании собрания сочинений Ушинского (постановление Совета народных комиссаров от 22 августа 1945 года). В 1948 году выходит в свет 2-й том собрания сочинений, где статьям классика по педагогике предпослан текст «От редакции». Прочитав этот документ: «Одновременно Ушинский приступил к выполнению давно поставленной им задачи теоретического обоснования научной педагогики. Предприняв с этой целью капитальный труд «Человек как предмет воспитания (Опыт педагогической антропологии)» Ушинский вступил на путь *критического пересмотра идеалистических основ своего мировоззрения*. Пересмотр этот он начал с помещаемой в настоящем томе статьи «Вопрос о душе», где, наряду с материалистическими высказываниями, много еще идеалистических мыслей. *Последовательным материалистом Ушинский не стал до конца жизни (курсив везде мой – В.М.)*» [13. С.7–8]. Иными словами, редакция объявляет Ушинского психолога не вполне благонадежным. Напомним, идет борьба с космополитами, преклонением перед Западом. А по Ушинскому, русская психологическая литература «почти равна нулю» [15. С.28], да за все три тома «Антропологии» ссылаются из русских психологов только два раза на Надеждина... Впереди Сессия двух Академий, когда решается быть или не быть психологии в СССР. Именно в 1950 году выходит восьмой том, где публикуется начало «Педагогической антропологии» [15]. Великие в столь неоднозначной области не нужны.

Пока обратимся к более поздним работам Б. Г. Ананьева, посвященным К. Д. Ушинскому. Обратим внимание на то, что великим психологом Ушинского больше не именуют, оценки остались очень позитивными, но стали более скромными.

Б. Г. Ананьев отводил Ушинскому большую роль в развитии научной психологии в России и к анализу идей которого неоднократно возвращался [1, 2, 4].

Для объективности воспользуемся оценкой В. А. Кольцовой [7]. Особенно ценным представляется Б. Г. Ананьеву антропологический подход великого педагога: центром его системы являлся человек как предмет воспитания. Он отмечает гуманистический характер психолого-педагогической концепции Ушинского, утверждающей огромные возможности и резервы человеческой природы и их актуализацию в процессе воспитания; указывает на использование

им психологии и физиологии как теоретических основ педагогики; выделяет своеобразие интерпретации в его работах принципа развития (включающего переход от физиологических процессов к психофизиологическим, от них – к психологическим и наконец – к «психоидеологическим» или «духовным» явлениям).

Антропологизм Ушинского проявлялся в его идее о неразрывности физического, умственного и нравственного развития, что приводило к выводу о необходимости целостного воспитания всех сторон личности [7].

Б. Г. Ананьев выделяет и прослеживает сквозные линии, направления исследования и идеи, которые проходят через всю историю отечественной психологической научной школы в целом, определяя ее своеобразие, присущий ей неповторимый колорит. Анализ истории развития русской дореволюционной мысли приводит его к заключению, что уже в ней оформились те передовые традиции, которые получили впоследствии дальнейшее развитие и расцвет в советской психологии:

- материалистическая ориентированность исследований,
- объективный подход к анализу психических явлений,
- сравнительно-генетический метод,
- антифункционалистический подход, предполагающий изучение психологии живой, деятельной личности, а не абстрактных психических способностей [7].

Указанные традиции русской психологии получили дальнейшее развитие в советской психологии на базе коренного преобразования ее философских основ, усвоения диалектико-материалистического мировоззрения [7].

Подведем некоторые промежуточные итоги. Итак, отметим, что в современной психологии намечалась отчетливая тенденция, проявляющаяся в недооценке работ К. Д. Ушинского в области психологии. Другая заметная тенденция состоит в том, чтобы «прописать» Ушинского по разряду детской и педагогической психологии, отметив его вклад в развитие этих отраслей психологии.

Попробуем непредвзято оценить, что делал К. Д. Ушинский. В одной из поздних своих работ в 1968 году, когда времена вновь изменились, психология стала не только признанной, но и модной наукой, Б. Г. Ананьев задает важный вопрос и сам словами Ушинского на него отвечает: «Сознавал ли сам Ушинский необычность своего труда, новизну начатого им дела, отсутствие об-

разцов в литературе, в которой он благодаря своей феноменальной образованности и широте кругозора ориентировался лучше, чем кто-либо из педагогов мира? Напомним в связи с этим, что в своем обращении к читателям Ушинский писал, что его книга "первый труд в таком роде - первая попытка не только в нашей, но и в общей литературе, по крайней мере, насколько она нам известна» [1. С.531]. «Действительно, он не нашел в педагогической литературе своего времени такого целостного знания о человеке, которое объясняло бы самую суть воспитания, образующего личность. Ушинский не нашел такой целостности знания о человеке и за пределами педагогики. Придавая особое значение физиологии и психологии человека в качестве научных основ педагогики, Ушинский, однако отчетливо представлял их незавершенность и несовершенство в то время, невозможность, говоря его словами, «еще ни для психологии, ни для физиологии» стройного изложения какой-либо картины человеческого развития» [1. С. 531].

Итак, Ушинский разрабатывает «Педагогическую антропологию» [15, 16, 17]. Слово, придуманное Аристотелем, в середине XIX столетия известно. В 1800 вышла «Антропология» Канта, антропологию разрабатывает Л. Фейербах. В Германии есть даже педагог-антрополог: Карл Шмидт — известный германский педагог, получивший название «педагога-антрополога XIX в.» – (1819–1864), крестьянин по происхождению. Некоторое время был священником, но в 1850 г. окончательно сложил с себя духовное звание и сделался учителем. Беда только, что под антропологией он имеет в виду френологию Ф. Галля: по шишкам на голове определять способности. Курс по «Педагогической антропологии» в Грейфсвальдском университете читает профессор Газерт.

Рискнем предположить, что антропология возникла не случайно. Ушинскому была нужна основа. Цель Ушинского прагматическая – обеспечить дело воспитания. Наука – основа для этого. Если бы была современная психология, он ее использовал бы в качестве основания для педагогики. Обратим внимание на то, что Ушинский уже сталкивался с подобной задачей. Еще в юности в Ярославле, разрабатывая подход к камеральному образованию и отвергнув европейские образцы как не подходящие, он находит широкое понятие (там это было понятие «родины») и начинает конструировать свою модель (или концепцию, если будет угодно). Так и здесь – по той же методологии.

Оттолкнуться не от чего. Константин Рамуль (1879–1975), эстонский психолог из Тартусского университета скрупулезно рассмотрел, что мог использовать Ушинский в психологии. В Германии это: 1) натурфилософская школа; 2) психология школы Гегеля; 3) гербартовская школа; 4) школа Бенеке; 5) идеал-реалистическая школа; 6) физиологическая и экспериментальная. К.Рамуль отмечает, что было еще несколько одиночек не примыкавших к направлениям.

Из всего этого интерес могла представлять только последняя, но из-за элементаризма и атомистичности интереса для Ушинского почти не представляла.

В Англии наиболее популярными были ассоцианистическое направление (Д. С. Милль и А. Бэн) и эволюционное (Г. Спенсер и А. Бэн).

Рамуль отмечает, что «симпатии Ушинского склонялись несколько более в сторону английской, чем немецкой психологии» [12. С. 123]. Нам эта симпатия абсолютно понятна, т.к. ассоциативное и особенно бэнновское («психолог Бэн, у которого мы заимствуем так много» [15. С. 409] направление было функциональным, поэтому неизбежно *более целостным*, чем немецкие школы.

«Не примкнув, таким образом, ни к одной из современных ему психологических школ Запада и относясь к каждой из них вполне критически, Ушинский при этом, конечно, не мог совершенно уйти от влияния современной ему научной психологии в ее целом или в ее преобладающей части. Мы видим, что он еще не желает вполне отказаться от того, чтобы и в психологии не «вдаваться в метафизические воззрения там, где невозможно будет избежать их», хотя и знает, что «эти воззрения не дадут положительных результатов». Но однако Ушинский говорит, что «не построив своей теории, мы, может быть, разрушим другие, потому что считаем полезным время от времени очищать метафизическую атмосферу от накаплиющихся в ней миазмов, что особенно важно в области воспитания» [12. С. 123].

«Подобно психологиям отдельных, в особенности немецких школ, психологическая система Ушинского была в значительной степени теоретизирующей и конструирующей. И хотя он сам не раз подчеркивает, что желая более всего основываться на наблюдении и добытых при его помощи фактических данных, его наблюдение и самонаблюдение остались по существу такими же, как они были в старой «эмпирической» психологии...» [12. С. 123].

«Новая, существенным образом отличающаяся от старой, психология едва еще зарождалась, и никто не мог предвидеть всех возможностей, которые в ней таились» [12. С. 124].

Теперь самое главное. Давайте зададим себе вопрос: каким образом оценивается вклад Ушинского в психологию? С чем сравнивается?

Психология Ушинского сравнивается – *по международному счету* – с научной психологией Вундта. Через четыре года после смерти Ушинского Вундт это провозгласит в предисловии к «Основаниям физиологической психологии». Целью его труда является отделение психологии от философии: «Предлагаемый публике труд имеет целью ограничение новой области в науке. Я хорошо сознаю, что моя попытка может быть сочтена преждевременною. В самом деле, даже анатомо-физиологические основания излагаемой науки еще не достаточно утверждены, а экспериментальная разработка психологических вопросов едва лишь начата» [5. С. 3]. Но психология Ушинского совершенно не похожа на вундтовскую!

Обратим внимание на то, что задачей Вундта было конституировать физиологическую психологию, отделив ее от философии. Он исследовал лишь ощущения, восприятия и движения – простейшие психические явления.

При этом он методично отвечал на критику Канта в адрес психологии. Вундтовская психология это реализация естественнонаучного подхода по образцу 1786 года [8], когда написана кантовская работа «Метафизические основы естествознания».

Задача Ушинского грандиозна – в его антропологии три отдела: телесный организм, душевные явления, духовные явления. Заметим, что к «третьему отделу» наша российская психология едва подходит сегодня - через полтора века после Ушинского. Западной еще долго к этому идти.

По внутреннему *российскому счету*, наверное, всех бы устроило, если бы удалось объявить Ушинского соратником Сеченова. Но это не получается, и материализм не полный, да жесткая критика Ушинского в адрес Сеченова практически замалчивается...

Нет возможности излагать здесь методологические и общепсихологические взгляды К. Д. Ушинского. Для этого понадобилась бы целая книга, в рамки небольшой статьи этот текст не поместить. И в «Вопросе о душе», и в «Психологических монографиях» и тем более в «Педагогической антропологии» сформулированы основные

положения, характеризующие позиции Ушинского в психологии.

Только обозначим эти позиции.

1. Ушинский определяет предмет психологии, причем трактует его широко и целостно.

2. Ушинский определяет отношение психологии с философией. Поскольку он не ставит перед своими трудами задачи обосновать отделение от философии, он просто определяет это соотношение.

3. Ушинский обсуждает отношение психологии к другим наукам, то есть определяет ее место в системе научного знания.

4. Ушинский подробно обсуждает, каков должен быть метод психологии.

5. Ушинский подробно рассматривает важнейший для конституирования науки вопрос, связанный со структурой дисциплины.

6. Ушинский решает вопрос о соотношении психологии с физиологией.

7. Ушинский утверждает опытный характер науки.

8. Ушинский определяет соотношение теории и метода в новой психологии, что было редкостью для той эпохи.

Не станем останавливаться на других моментах. Повторим, их вполне хватит на то, чтобы реконструировав представления Ушинского о том, какой быть психологии, написать целую книгу.

Как можно увидеть, Ушинский в своих работах обсудил *весь комплекс вопросов*, который необходим для определения статуса психологии.

Мы полагаем, что Ушинский не успел заявить практико-ориентированную психологию как новую науку. Этот момент, связанный с конституированием психологии, он откладывал до завершения третьего тома, когда будет создана величественная *система психологии, включающая все богатство душевной жизни от психофизиологии до высших проявлений человеческого духа*. Свое новаторство Ушинский хорошо осознавал. Осуществить в полном объеме не успел. И наш долг теперь восстановить историческую справедливость, вернуть Ушинского в число основателей психологической науки. Повторим, Константин Дмитриевич Ушинский – создатель *первой в истории мировой психологии практико-ориентированной психологии*.

Не хочу идеализировать К. Д. Ушинского, у него были свои сложности, проблемы, нерешенные вопросы. Важно сейчас подчеркнуть другое.

У него была иная задача.

К. Д. Ушинский – великий психолог мирового уровня. Если бы по-другому сложились обстоятельства, развитие мировой психологии от Ушинского могло пойти по другому пути. Рукописи не горят, это правда. Как правда и то, что некоторые старые книги много переиздают, но мало читают...

Он первым в мировой науке стал разрабатывать психологию не предметную, как В. Вундт, Ф. Brentano, В. Джемс, которые пытались выделить в сознании тот или иной аспект для анализа. Ушинский подходил прагматически (вспомним кантовскую Антропологию, обоснованную прагматически), но прагматизм его был усилен решением задачи воспитания человека.

Поэтому психология Ушинского не *предметна*, а *объектна* – объект ее человек, поэтому она по возможности старается быть целостной. Парадигма практической психологии обсуждается весьма интенсивно в наши дни, шумят дискуссии.

Про основателя этого подхода в мировой психологии при этом обычно не помнят. Полагаем, историческая справедливость должна восторжествовать, Константин Дмитриевич Ушинский как великий психолог должен занять свое законное место в истории мировой психологии.

Напомним, что К.Д. Ушинский начинал педагогическую карьеру в Ярославле. Хорошо известно, что К.Д. Ушинский, блестяще окончив «вторым кандидатом» Московский университет, получил приглашение в Ярославский Демидовский лицей, в котором проработал почти четыре года, «исправляя обязанности» профессора. В лицее К.Д. Ушинский зарекомендовал себя прекрасным лектором, читавшим курсы права и разрабатывавшим проблемы камерального образования. Также хорошо известно, что вопросами педагогики К.Д. Ушинский начал заниматься позднее, будучи инспектором в Гатчине, в Смольном, и особенно во время пребывания за рубежом (1862–1867). «Педагогическая антропология» (в особенности проект третьего тома) является ярким свидетельством того, что Ушинский рассматривал педагогику как творческую деятельность. Нельзя не согласиться с теми исследователями, согласно мнению которых путь Ушинского мог бы сложиться иначе, не получи он в самом начале своей карьеры опыт работы в лицее. Итак, мы можем констатировать, что в годы работы в Ярославле Ушинский не занимался ни педагогикой, ни психологией – интерес к этой проблематике пришел значительно позднее. (В скобках заметим, что в 1860 году Ушинский

публикует «Психологические монографии» – произведение интересное и глубокое, свидетельствующее об изрядном знакомстве с предметом. Когда Ушинский начал заниматься психологией при этом не очень ясно. Может во время учебы в университете, а затем не афишируя продолжал в Ярославле?)

Анализ знаменитого выступления К. Д. Ушинского 18 сентября 1848 года с актовой речью «О камеральном образовании» свидетельствует, что основные мотивы, побудившие к написанию «Педагогической антропологии», у двадцатичетырехлетнего ученого уже формировались. К. Д. Ушинский выступает резким противником немецкой системы камерального образования, отмечая, что немецкие авторы очень неудачно смешивают «науку» и «искусство», результатом чего является «рецептурный» характер камеральной литературы. Система зарубежной подготовки – рецептурная, а не научная. Ушинский отвергает эту систему, предлагая взамен собственную, основой которой должно «служить изучение родины в самом широком смысле». Таким образом, можно увидеть, что Ушинским используется та же логика, что и позднее при обосновании «Педагогической антропологии»: искусство педагогики должно быть основано на научном знании, в первую очередь, физиологии и психологии. Знания о человеке. Широко известны высказывания Ушинского о творческом характере образования, о том, что жесткая регламентация учебного процесса «совершенно убьет живое дело преподавания». Основные черты подхода Ушинского к реформированию педагогики, таким образом, сформировались уже в Ярославский период: творческая направленность, систематичность, преодоление ограниченности теоретического знания, антропологизм, практическая ориентированность.

В «Педагогической антропологии» он рассматривает психологию в качестве одного из оснований педагогики. Принципиально важно, что в шестидесятые годы, когда Ушинский разрабатывает педагогическую антропологию, научной психологии еще не было. Наиболее популярными были немецкие курсы. Психология существовала как философская наука. «Психология так долго находилась в зависимости от философии, что нельзя ожидать, чтобы взгляд на нее как на науку наблюдения и опыта, установился скоро, – установился не только в заглавии психологических теорий, где он давно уже заявляет себя, но и на самом деле» [14. С. 287].

Важно подчеркнуть, что, по нашему мнению, вклад К.Д.Ушинского в психологию по достоинству еще не оценен: работы Ушинского проходили в основном «по ведомству» педагогики, психологические взгляды Ушинского не были вполне соответствующими «официальной» академической психологии, которая видела в трудах Ушинского многочисленные «уступки идеализму». Вероятно, пришло время оценить новаторский характер психологии К.Д. Ушинского непредвзято: работы Ушинского должны занять достойное место в истории психологии. Свою психологию он строит на опытной основе.

К.Д.Ушинскому принадлежит альтернативная попытка разработать научную психологию на иной методологической основе. Достаточно сравнить физиологическую психологию В. Вундта и психологию К.Д. Ушинского. Последняя не только основана на фактах, описательна, но и практически ориентирована. Это позволяет уйти от наиболее «тупиковых» моментов: «заикленности» на психофизиологический параллелизм, элементаризм, разрыв между элементарными и высшими психическими функциями. Согласно Ушинскому, «отношение, в которое душа поставлена к нервному организму, составляет одну из величайших тайн творения, которая, возбуждая сильнейшее любопытство в человеке, остается для него непостижимой...» [15. С. 342]. Это позволяет разграничить методы наук: «Наблюдение есть метод естественных наук: самонаблюдение метод психологии. Уже сама физиология, как только дело идет в ней о деятельности органов чувств и движений, не довольствуется наблюдениями, а прибегает к самонаблюдениям: меняет физиологический метод на психологический; да иначе и быть не может» [15]. Это позволяет избежать ситуации, которая «заставляет английского психолога Бэна, объясняя всю душу нервными токами, признать за человеком власть распоряжаться этими токами» [15. С. 342]. Напомним, что третий том антропологии Ушинский намеревался посвятить высшим проявлениям сознания: согласно Ушинскому, пропасти между элементарными психическими явлениями и сложными при комплексном подходе не существует. Именно этот разрыв привел, как известно, к кризису психологии, конфликту между естественнонаучной и герменевтической психологией.

Итак, Ушинским была разработана система практической психологии. У К.Д. Ушинского мы видим рождение новой психологической парадигмы: это практико-ориентированная концеп-

ция, имеющая комплексный, антропологический характер, это эмпирический подход, основывающийся прежде всего на фактах, но свободный от известной узости позитивизма. Не случайно антропологизм Ушинского был воспринят теми психологическими теориями, которые пытались преодолеть ограниченность традиционной академической психологии за счет комплексного подхода (Б.Г. Ананьев).

Библиографический список

1. Ананьев, Б.Г. «Педагогическая антропология» К.Д. Ушинского и ее современное значение [Текст] // Б.Г.Ананьев Избранные труды по психологии. Том 2. Развитие и воспитание личности; под ред. Н.А.Логиновой. – СПб: Изд-во СПб государственного университета, 2007, с. 531-546
2. Ананьев, Б.Г. Проблемы педагогической антропологии [Текст] // Б.Г.Ананьев Избранные труды по психологии. Том 2. Развитие и воспитание личности; под ред. Н.А.Логиновой. – СПб: Изд-во СПб государственного университета, 2007, с. 499-514
3. Ананьев, Б.Г. К.Д. Ушинский - великий русский психолог. [Текст] / Б.Г.Ананьев Избранные труды по психологии. Том 1. Очерки психологии. История русской психологии; под ред. Н.А.Логиновой. СПб: Изд-во СПб государственного университета, 2007, с. 388-409
4. Ананьев, Б.Г. Педагогическая антропология К.Д. Ушинского и ее современное значение. [Текст] / Б.Г. Ананьев // Вопросы психологии. – № 2. – 1969. – С. 3-14.
5. Вундт, В. Основания физиологической психологии. [Текст] / В. Вундт. М.: Типогр. М.Н. Лаврова и Ко., 1880. – 1040 с.
6. Ждан, А.Н. История психологии от Античности до наших дней [Текст] / А.Н. Ждан. – М.: МГУ, 2004. С. 576
7. Кольцова, В.А. Методологические проблемы истории психологии в трудах Б.Г.Ананьева [Текст] / В.А. Кольцова // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 4. Методологические проблемы историко-психологического исследования: Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН, 28-29 января 2002 г.; отв. ред. А.Л.Журавлев, В.А.Кольцова - М., Изд-во «Институт психологии РАН», 2002, с.80-99
8. Мазиллов, В.А. Теория и метод в психологии. [Текст] / В.А. Мазиллов Ярославль, 1998. 356 с.
9. Марцинковская Т.Д. История психологии [Текст] / Т.Д.Марцинковская, А.В.Юревич. - М.: Гардарики, 2008. 413 с.
10. Петренко, В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. [Текст] / В.Ф.Петренко. М.: Новый хронограф, 2010. 440.

11. Петровский, А.В. История и теория психологии. Т.1. [Текст] / А.В.Петровский, М.Г. Ярошевский. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 416 с.
12. Рамуль, К.А. К.Д. Ушинский и западно-европейская психология [Текст] /К.А.Рамуль // Вопросы психологии, 1956, № 5, с. -124
13. Ушинский, К.Д. Сочинения. Т. 2. [Текст] / К.Д.Ушинский. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948
14. Ушинский, К.Д. Сочинения. Т. 3. [Текст] / К.Д.Ушинский. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1950
15. Ушинский, К.Д. Сочинения. Т. 8. [Текст] / К.Д.Ушинский. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1950
16. Ушинский, К.Д. Сочинения. Т. 9. [Текст] / К.Д.Ушинский. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1951
17. Ушинский, К.Д. Сочинения. Т. 10. [Текст] / К.Д.Ушинский. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1952
18. Шаин, Е.Г. Дата рождения К. Д. Ушинского. [Текст] / Шаин Е.Г.// Педагогика, № 4 , 2004, с. 63-64.
9. Martsinkovskaya T.D. Istoriya psikhologii [Tekst] / T.D.Martsinkovskaya, A.V.YUrevich. - M.: Gar-dariki, 2008. 413 s.
10. Petrenko, V.F. Mnogomernoe soznanie: psikhosemanticheskaya paradigma. [Tekst] / V.F.Petrenko. M.: Novyj khronograf, 2010. 440.
11. Petrovskij, A.V.Istoriya i teoriya psikhologii. T.1. [Tekst] / A.V.Petrovskij, M.G. YAroshevskij. - Rostov-na-Donu: Feniks, 1996. 416 s.
12. Ramul', K.A. K.D. Ushinskij i zapadno-evropejskaya psikhologiya [Tekst] /K.A.Ramul' // Voprosy psikhologii, 1956, № 5, s. -124
13. Ushinskij, K.D. Sochineniya. T. 2. [Tekst] / K.D.Ushinskij. M.; L.: Izd-vo APN RSFSR, 1948
14. Ushinskij, K.D. Sochineniya. T. 3. [Tekst] / K.D.Ushinskij. M.; L.: Izd-vo APN RSFSR, 1950
15. Ushinskij, K.D. Sochineniya. T. 8. [Tekst] / K.D.Ushinskij. M.; L.: Izd-vo APN RSFSR, 1950
16. Ushinskij, K.D. Sochineniya. T. 9. [Tekst] / K.D.Ushinskij. M.; L.: Izd-vo APN RSFSR, 1951
17. Ushinskij, K.D. Sochineniya. T. 10. [Tekst] / K.D.Ushinskij. M.; L.: Izd-vo APN RSFSR, 1952
18. SHain, E.G. Data rozhdeniya K. D. Ushinskogo. [Tekst] / SHain E.G.// Pedagogika, № 4 , 2004, s. 63-64.

Bibliograficheskij spisok

1. Anan'ev, B.G. «Pedagogicheskaya antropologiya» K.D. Ushinskogo i ee sovremennoe znachenie [Tekst] // B.G.Anan'ev Izbrannye trudy po psikhologii. Tom 2. Razvitie i vospitanie lichnosti; pod red. N.A.Loginovoj. – SPB: Izd-vo SPb gosudarstvennogo universiteta, 2007, s. 531-546
2. Anan'ev, B.G. Problemy pedagogicheskoy antropologii [Tekst] // B.G.Anan'ev Izbrannye trudy po psikhologii. Tom 2. Razvitie i vospitanie lichnosti; pod red. N.A.Loginovoj. – SPB: Izd-vo SPb gosudarstvennogo universiteta, 2007, s. 499-514
3. Anan'ev, B.G. K.D. Ushinskij - velikij rus-skij psikholog. [Tekst] / B.G.Anan'ev Izbrannye trudy po psikhologii. Tom 1. Ocherki psikhologii. Istoriya russkoj psikhologii; pod red. N.A.Loginovoj. SPB: Izd-vo SPb gosudarstvennogo universiteta, 2007, s. 388–409
4. Anan'ev, B.G. Pedagogicheskaya antropologiya K.D. Ushinskogo i ee sovremennoe znachenie. [Tekst] / B.G. Anan'ev // Voprosy psikhologii. – № 2. – 1969. –S. 3–14.
5. Vundt, V. Osnovaniya fiziologicheskoy psikhologii. [Tekst] / V. Vundt. M.: Tipogr. M.N. Lavrova i Ko., 1880. – 1040 s.
6. ZHDan, A.N. Istoriya psikhologii ot Antichno-sti do nashikh dnei [Tekst] / A.N. ZHDan. – M.: MGU, 2004. S. 576
7. Kol'tsova, V.A. Metodologicheskie problemy istorii psikhologii v trudakh B.G.Anan'eva [Tekst] / V.A. Kol'tsova // Sovremennaya psikhologiya: sostoyanie i perspektivy issledovaniy. CHast' 4. Metodologicheskie problemy istoriko-psikhologicheskogo issledovaniya: Materialy yubilejnoj nauchnoj konferentsii IP RAN, 28–29 yanvarya 2002 g.; otv. red. A.L.ZHuravlev, V.A.Kol'tsova - M., Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2002, s.80-99
8. Mazilov, V.A. Teoriya i metod v psikhologii. [Tekst] / V.A. Mazilov YAroslavl', 1998. 356 s.